

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Дмитрий Силлов

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Дмитрий Олегович Силлов
Счастье для всех
Серия «Пикник на обочине»
Серия «Снайпер», книга 11

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376416

*Силлов, Дмитрий Олегович Пикник на обочине. Счастье для всех: [фантастический роман] : АСТ;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-17-082057-3

Аннотация

«СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!»

Эти слова произнес сталкер Рэдрик Шухарт на дне котлована, найдя Золотой Шар, исполняющий любые желания. Так заканчивается знаменитый роман братьев Стругацких «Пикник на обочине».

Но что было дальше?

Более сорока лет, с момента выхода культового произведения, задают себе этот вопрос поклонники российской фантастики. И вот, наконец Дмитрий Силлов написал роман, являющийся прямым продолжением истории Рэда Шухарта.

Что ждет знаменитого сталкера после того, как он вернется из Зоны в родной Хармонт? Как его высказанное желание повлияет на будущее далекой Чернобыльской Зоны отчуждения и на судьбу Снайпера, хорошо известного поклонникам серий «S.T.A.L.K.E.R.», «Кремль 2222» и «Роза Миров»?

Содержание

Глава 1	4
1. Рэдрик Шухарт, 31 год, сталкер	4
2. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК	13
3. Рэдрик Шухарт, 31 год, сталкер	17
4. Стервятник Барбридж, 52 года, сталкер	22
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Силлов

Пикник на обочине. Счастье для всех

*Памяти Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких
посвящается*

Глава 1

Счастье для всех

1. Рэдрик Шухарт, 31 год, сталкер

– СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!

Возможно, он прокричал эти слова – страшно, с надрывным ревом, какой исторгают порой раненые звери, осознавшие неотвратимость скорой смерти. Возможно, прошептал, лишь слегка потревожив хриплым дыханием раскаленный воздух Зоны. А может быть, просто бросил в пространство мысль – обожженную, истерзанную, израненную, такую же, как он сам. Чужую мысль, чужое желание человека, которого он только что убил, отправив в самый центр «мясорубки»...

Чего скрывать, на самом деле не хотел сталкер Рэдрик Шухарт никакого счастья, уж тем более – для всех. Жирно будет всем и каждому по счастью, да чтоб еще и никто не обиделся на такой подарок. Свойство такое у человека есть, зависть называется. С одной стороны, грех смертный, а с другой – ну кто ж без греха-то? И если даже ты сам сейчас счастливый по уши и в шоколаде полностью, всегда в сторону соседа взгляд кинешь – а не лучше ли ему, чем тебе? И не стоит ли у ближнего своего кусочек форта позаимствовать насовсем и без отдачи, чтоб у тебя самого того счастья было не по уши, а по самую макушку?

Лично сам Рэдрик изначально впрягся в это дело не ради того, чтоб облагодетельствовать человечество, а с целью заполучить абсолютно конкретный куш в пятьсот тысяч зелененьких. Как раз перед отсидкой Хрипатый Хью и Костлявый Фил, скупщики элитного хабара в «Метрополе», показали Шухарту прайс-лист. Были в том прайсе обозначены цены на легендарные дары Зоны, которых никто никогда вживую не видел. И самая привлекательная цена – за Золотой Шар, исполняющий любые желания. Хотя, если вдуматься, – зачем деньги человеку, и без того имеющему возможность получить все, что угодно? Но нет. Оказалось, все имеет свою цену, и Золотой Шар – тоже. Абсолютно конкретную цену в зеленых банкнотах, на которые можно купить исполнение любых желаний... Такой вот замкнутый круг, который сходу и не осознаешь...

Но сейчас Шухарту не нужны были ни Золотой Шар, ни деньги, ни исполнение каких-то желаний, ставших в одночасье просто словами – ненужными, серыми, бесформенными, похожими на мусор, изрядно скопившийся на дне старого котлована... Он, Рэдрик Шухарт, только что убил человека. Послал на верную смерть ради того, чтобы дойти до чертова Шара. Зачем дойти? Для чего? Чтобы привязать к нему надутый гелием портативный аэростат и таким вот образом через всю Зону отконвоировать добычу в Хармонт?

Бред собачий...

Да не пройдешь ты, конвоир мечты всех сталкеров, и полусотни шагов с эдаким грузом. Помнишь то болото с зеленой жижей, на берегах которого нашли вечный покой Очкарик и Пудель? И ты тоже ляжешь там со своим воздушным шариком, так как белые молнии

гигантских «электродов» бьют в любой объект размером больше кулака, высунувшийся из центра болота. Знал ты об этом, Рэдрик? Знал, еще как знал. И все-таки послал Арчи в «мясорубку». Говорящую «отмычку» Арчи, сына того самого Стервятника Барбриджа, который точно так же скармливал Зоне свои «отмычки» ради того, чтоб выпросить у Золотого Шара детей, здоровье, удачу... Так чем же ты лучше Барбриджа, Рэдрик Шухарт?

Да ничем ты не лучше. Хуже, намного хуже. У Стервятника хоть цель была, желание имелось конкретное. А ты просто взял – и убил его сына, зная заранее, что никогда тебе не дотащить до города этот сверкающий исполнитель желаний. Вон уже снова колеблется едва заметное марево над тем местом, где совсем недавно погиб Артур Барбридж. «Мясорубка» переварила добычу и готовится принять следующую. И значит это, что и ты никогда не выйдешь из старого котлована, что нет у тебя пути назад, что так и будешь ты стоять на коленях перед Золотым Шаром и орать, шептать, мысленно повторять чужие, ничего не значащие слова:

– СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!¹...

* * *

...Солнце клонилось к закату.

Рэдрик Шухарт вдруг осознал, что ему холодно. Здесь, на дне котлована, помимо мусора было довольно много жидкой, вонючей грязи, в которой стоять на коленях и выть на облака, словно взбесившийся койот, крайне вредно для здоровья. Колени уже ломило не на шутку, а еще зверски саднила обожженная спина, особенно в тех местах, на которые давили лямки тяжеленного рюкзака.

Сталкер с трудом поднялся на ноги и, поднатужившись, сбросил в грязь рюкзак, в котором ничего и не было, кроме бесполезного гелиевого баллона, оболочки портативного аэростата, маскировочной сетки и остатков аптечки, расплавившейся в «жаре». Ненужное барахло для человека, в пяти шагах от которого на островке сухой земли наляпаны черные пятна – все, что осталось от «отмычек» Стервятника Барбриджа... и от его сына Артура, «отмычки» сталкера Шухарта...

Рэдрик снял с пояса флягу, отвинтил крышку и сделал плоток. Потом еще один... Коньяк обжег небо, горячим комком прокатился по пищеводу, опалил пустой желудок, разлился по телу, прогоняя остатки нервной дрожи.

Так вот оно как, Рыжий, убить человека... Ты всегда думал, что это просто, примерно как в «Боржче» по морде кому-нибудь пивной кружкой съездить. Оказалось, нет. Все гораздо сложнее. И больнее. Будто самому себе ржавую заточку в сердце воткнуть, а потом резко повернуть рукоятку книзу, сломать подпиленный клинок – и при этом не сдохнуть. И вот теперь болит оно, сердце, сил нет как болит. Без истерики, без нервной дрожи, а просто тупо и мерзко, как и положено реагировать живой плоти на насквозь проржавевшее инородное тело. И спасение от этой боли теперь только одно, одно-единственное счастье для запойного сталкера-убийцы, булькающее внутри походной фляги. Немудрено, что так быстро спиваются многие ветераны, вернувшиеся с войны...

Он вновь поднес к губам флягу... и вдруг замер, осознавая невозможное. Да, именно эту самую флягу, помятую, с глубокой царапиной возле горлышка, он выбросил перед тем, как начал спускаться в карьер.

Пустую выбросил.

ПУСТУЮ!!!

¹ О том, что произошло с Рэдриком Шухартом до описываемых событий, можно прочитать в знаменитом романе Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине».

Но теперь она была полной. Почти полной. И в ней еще оставалось приличное количество коньяка, терпко пахнущего дешевого напитка, который продает в «Боржче» старуха Розалия оптовым покупателям-алкашам по двенадцать монет за галлон.

«Счастье... Одно-единственное счастье... Ты ведь об этом подумал, Рыжий, когда по привычке тянулся за флягой, которой не могло быть на твоём поясе. Так вот, и получай его. Даром...»

Шухарт отвел взгляд от фляжки и посмотрел на Золотой Шар.

Исполнитель желаний больше не отсвечивал красноватой медью в лучах заходящего солнца. Теперь он был грязно-серым, тусклым, похожим на большую и ненужную стальную заготовку, которую уронили в карьер, а поднимать наверх не стали – на кой возиться с тем, что не особо и надо? Так легенда Зоны и пролежала здесь много лет, покрываясь налетом грязи и пятнами коррозии. Да и был ли вообще тот Золотой Шар? Не померещилось ли тебе, Шухарт, оно спяну? Попробуй, прокоптись в «жаре», пройди через болото, где над макушкой трещат разряды белых молний и волосы трещат от электричества, влей в себя литр пойла Розалии, а потом убей...

Стоп!

Об этом не думать.

Не было ничего, понял, Шухарт? Ты просто приперся сюда, ни черта не нашел и вернулся обратно. И для тебя, и для всех остальных – если, конечно, свершится еще одно чудо и ты дойдешь до остальных. Ни Арчи не было, ни Золотого Шара. Никто не видел, как вы уходили рано поутру из Хармонта, никто не увидит, как ты вернешься ночью обратно.

Если вернешься...

Мысли шевелились в голове сталкера, а руки делали привычную работу. Много раз они с Барбриджем надували гелием оболочку аэростата, проверяя, сколько сможет поднять примитивное устройство и надолго ли его хватит. Опыты показали – фунтов двести-двести пятьдесят поднимет влегкую, и часа три точно продержится оболочка, сшитая-склеенная, вручную перед тем, как начнет сдуваться.

Но теперь эти три часа Шухарту были не нужны. Вполне достаточно трех минут для того, чтобы, надув газом аэростат, уцепиться за кожаные лямки и легко взбежать по вертикальной стене карьера, оттолкнувшись перед этим ногой от незолотого Золотого Шара. Который, кстати, от мощного толчка даже не пошевелился...

* * *

Рэдрик включил карманный фонарь и осветил им пятно, смутно белеющее в темноте ночи.

Пистолет лежал там же, где Шухарт его оставил – на растрескавшейся шпале, завернутый в пахнущий одеколоном чистенький носовой платок Артура Барбриджа. Не дело, конечно, когда молодой парень таскает с собой такие вот надушенные платки. Может, оно и к лучшему, что все случилось так, как случилось.

Рэдрик присел на рельсу рядом и развернул сверток. Ну да, армейский «Кольт» M1911A1, 1943 года выпуска. Старое оружие, «классика». Надежное, как любовь матери, и простое в обращении, как точилка для карандашей. Точно такой же хранится в тайнике под телефонной будкой на Горняцкой улице вместе с оцинкованной коробкой, набитой патронами, мешочком с «браслетами» и старым бумажником, в котором лежат поддельные документы на имя какого-то Боба с дурацкой фамилией. Два одинаковых пистолета Эрнест, владелец «Боржча», продал семь лет назад Рэду Шухарту и Барбриджу Стервятнику. Первый сталкер спрятал свой пистолет, и так с той поры не доставал его из тайника. Второй таскал «Кольт» в Зону постоянно, и теперь понятно для чего.

Золотой Шар исполнял одно желание, а потом сдувался, как хреново сделанный гелиевый аэростат. Или не исполнял. Помнится, Стервятник говорил, что Шар выполняет только самое сокровенное. Но в любом случае «мясорубка» брала свою дань, после чего на земле оставалось характерное пятно. И какой же сталкер, пусть даже с минимальным опытом, полезет в карьер, где этих очень характерных пятен чертова уйма? Правильно, никто не полезет. А вот если наставить на «отмычку» армейский «Кольт», заставить ее привязать к своему поясу свободный конец веревки и сказать что-то, типа: «Ты иди, иди. А как только “мясорубка” начнет сворачиваться в спираль, я тебя вытащу. Или же прям сейчас пристрелю и дохлого брошу в центр той спирали, но, сам понимаешь, уже вытаскивать не стану. Выбери».

Понятное дело, что человек выберет. Тем более, что один раз Барбридж точно не обманул, выдернул из «мясорубки» Красавчика Диксона. Правда, тот после этого превратился в Суслика. Но ведь не соврал же Стервятник, сдержал слово. А очень и очень многие предпочитают жить полусумасшедшим инвалидом, мало похожим на человека, нежели умереть прямо сейчас, немедленно и неотвратимо.

Не хотелось брать в руки концентрированную смерть, которую сын спер у папы перед первым и последним своим походом на запретную территорию. Вчера не хотелось, потому и завернул ее в платок. Чистеньким хотел остаться перед собой и перед Зоной. Хоть немного еще побыть таким вот из себя хорошим и благородным Рэдом Шухартом, спасшим пять или шесть сталкерских жизней и, типа, от эдакого количества благодати сбившимся со счета. Хорошо теперь-то присесть перед самим собой и реверансы делать, пистолеты в платочки заворачивая, чтобы рук ненароком не замарать. Теперь ты такой же, как Стервятник. Только гораздо хуже.

Сталкер проверил пистолет. Ну да, не обманул покойный Арчи. Пустой магазин и один патрон в патроннике. Не понадобился тебе, парень, этот патрон, никогда не понадобится больше. А вот Рэду Шухарту, может, и пригодится – чтоб, например, не ходить далеко за своим «Кольтом», в тайнике спрятанном, тем более, что проржаветь пистолет мог за эти годы запросто...

Но тогда зачем вообще идти обратно в Хармонт, если можно все сделать здесь, прямо на месте? Да очень просто. Надо заглянуть напоследок в «Боржч», выпить стаканчик за помин души сына Стервятника. Потом сходить домой, посмотреть еще разок в понимающие глаза жены и бессмысленно-бездонные омуты Мартышки, отцу налить немного коньяку в пустой стакан – Гута ж не нальет, боится. Потом зайти в спальню, достать чековую книжку из тумбочки, выписать сумму из четырех цифр на имя жены – всё, что лежит в банке, остатки гонорара, полученного за контейнер с «ведьминым студнем». А потом пройти в чулан, запереть дверь на щеколду, достать «Кольт» и одним движением указательного пальца поставить точку в череде бессмысленных и малоинтересных событий, совокупность которых люди называли жизнью. Хотя нет, в чулан не надо. Гута услышит выстрел, увидит все, плакать будет сильно. Намного сильнее, чем если узнает о случившемся от полиции. Ну, значит, не в чулане, а где-нибудь в подворотне. Впрочем, это уже детали.

Мысли были ленивыми и спокойными, словно свинцовые тучи, плывущие над Зоной. Странно, наверно, что человек, планирующий раздачу последних долгов, думает о них, словно о походе на пикник в выходные. Раньше, возможно, это показалось бы Шухарту странным. А сейчас нет, нормально. Когда ты все решил, все разложил по полочкам и понял, для чего и как нужно прожить грядущий день, как-то проще все становится. И уже наплевать на то, что этот день – последний. Главное – хоть его бы прожить правильно, в отличие от всей предыдущей жизни.

Он встал с рельсы, приподнял куртку, засунул за ремень пистолет, прикрыл его потертой полый кожанки – и улыбнулся рассвету, только-только зарождающемуся на востоке. До

Хармонта оставалось пройти всего ничего, и полностью распланированный день обещал быть просто отличным.

* * *

Но, как говорится, сталкер предполагает, а Зона располагает.

Кордон Шухарт прошел вообще без проблем. На вышках – пусто. Ни одной патрульной машины вдоль колочки не проехало за те четверть часа, что Рэд пролежал в канаве, обозревая окрестности из-под маскировочной сетки. Будто вымер кордон. Небывалое дело.

Шухарт пожал плечами, встал, свернул сетку да и пошел себе напрямую. Глупо изображать из себя рельеф местности, когда вокруг ни души.

Зато по мере приближения к городу окружающий пейзаж стал намного оживленнее. Вот пробежал мимо, прижимая к себе плотно набитую сумку, какой-то малознакомый тип, кажись, с Седьмой улицы. Как звать типа – убей, не вспомнить, но его выпученные глаза теперь ни за что не забудешь. Интересно, с чего это мужика так разобрало, что он чешет, не разбирая дороги и не замечая ничего вокруг? Но теперь уж и не узнать. Вломился бегун в придорожные кусты, протаранил в них просеку и дальше по полю побежал, только задники выходных штиблет сверкают. Не лучшая, конечно, обувь для спорта, но, видать, изрядно земляку приспичило побегать по пересеченной местности. Ладно, едем дальше.

Шухарт не прошел по дороге и сотни шагов, как навстречу ему из небольшой рощицы вывалились двое патрульных. Один высокий, как фонарный столб, другой пониже, зато в плечах квадратный, как задок у «лендровера». Рожи знакомые, кажется, в свое время сталкер видел их в свите капитана Квотерблада. Неприятная встреча, несмотря на то, что оба еле ноги переставляют, в связи с чем вынуждены поддерживать друг друга. Угу. Симбиоз «не разлей вода». Случается такое, если двое одновременно макнут, скажем, ладони в «ведьмин студень», а потом попытаются обменяться рукопожатием. В результате получается у них одна длинная рука на двоих. Но этих патрульных срастил не «студень», а нечто более прозаическое.

– Д-деньги есть? – заплетающимся языком спросил квадратный.

Шухарт отрицательно покачал головой. Какой же дурак возьмет деньги с собой в Зону? Удачу сглазишь, плюс вряд ли вернешься. Примета такая. Не любит Зона деньги.

– А если найдем? – прищурился заплывшим глазом второй блюстителю порядка. Интересно, кто ж дотянулся такому дылде в глаз засветить? Но кто бы он ни был, здоровья ему и удачи во всем.

Рэд пожал плечами и поднял руки. Эх, не вовремя взял с собой пистолет... Теперь всех собак навесят – если, конечно, смогут обыскать. Но коль уж «голубые каски» набрались до такого состояния, что сшибают бабки на большой дороге, то от них всего можно ожидать.

– У н-него нет денег! – почему-то радостно сообщил напарнику квадратный.

– А я его знаю, – так же радостно отозвался дылда. – Это сталкер. У них н-никогда нет денег. Т-только судимости.

– Так надо дать ему их!!!

«Судимостей? – подумал Рэд. – Что ж, с вас станется».

Но тут случилось неожиданное.

Пьяный патрульный сунул руку в раздутый карман штанов и вытащил огромный, похожий на кусок мяса кулак, из которого в разные стороны торчали зеленые купюры.

– Н-на! – сказал блюститель порядка, щерясь во все свои вставные зубы.

Шухарт кочевряжиться не стал. Когда тебе предлагают наличные, отказываться не стоит. Потому что это тоже очень плохая примета – денег не будет.

Слегка облегчив карман, квадратный патрульный сразу потерял интерес к сталкеру и затянул что-то заунывное. Длинный подхватил, и, обнявшись, счастливые собутыльники потащились дальше – вероятно, искать других нищих, ибо карманы у обоих оттопыривались не на шутку.

Когда они скрылись за поворотом, Рэд внимательно исследовал презент. На свет посмотрел, понюхал, проверил пальцем рельефность надписей. Сомнений не было. Он держал в руках шестнадцать банкнот по сотне каждая. Тысяча шестьсот самых настоящих «зелененьких». Деньги, на которые семья из четырех человек сможет безбедно прожить месяц, а то и полтора.

«Ничего не понимаю, – подумал Шухарт. – Может, в баре кто разъяснит, что за чудеса творятся в Хармонте?»

И направился он напрямик в «Боржч», благо известное каждому сталкеру здание уже находилось в пределах видимости.

* * *

Несмотря на раннее утро, в «Боржче» было не протолкнуться. Когда глаза Рэда понемногу привыкли к полумраку, он первым делом отметил (виданное ли дело? С утра, да еще в сталкерском баре!) несколько «голубых касок», оккупировавших ближайший столик. Блюстители квасили, ни в чем себе не отказывая, словно люди, вдруг раз и навсегда решившие покончить с патрульной службой.

«А может, и решили, – подумал Шухарт. – Когда у человека появляется столько бабла, как у тех двух романтиков с большой дороги, на кой черт ему сутками торчать на вышках, высматривая в бинокли нашего брата-сталкера? Любой канадец, которых в патрулях немеряно, повадками похож на русского, о которых, помнится, покойный Кирилл рассказывал. Появляются серьезные бабки – надо первым делом нажраться вусмерть, а потом свалить подальше от тех, с кем пил, – чисто чтоб оставшееся не сперли. Похоже, у служивых как раз первая стадия. Только вот вопрос – откуда это у патрульных периметра вдруг появились серьезные бабки?»

Несколькими минутами позже он понял: счастье свалилось на головы не только «голубым каскам». Пили все посетители бара, и пили серьезно. Старуха Розалия не успевала менять кружки и подносить тарелки с закуской. Судя по ее довольной физиономии, напоминавшей печеное яблоко с глазами, происходящее сейчас в «Боржче» как раз и было ее индивидуальным счастьем. Которое даром... И чтоб никто не ушел обиженный...

«Неужто сбылось?!»

Мысль, которую он все последнее время усиленно гнал от себя, плотно обосновалась в его голове. И спустя несколько мгновений оформилась в уверенность, когда он увидел, кто сидит за дальним столиком бара, горланя давно забытые песни, весьма популярные в Хармонте лет эдак десять назад.

Слизняк, молодой парень с острой мордочкой, похожий больше на лиса, нежели на слизняка. Просто из любой ситуации он мог вывернуться, выскользнуть, всегда своим путем шел, пока однажды этот путь не привел его прямо в «комариную плешь», притаившуюся в незаметной канавке.

Фараон Банкер, сталкер с огромными ручищами и каменной физиономией, невозмутимый, словно легендарный древний правитель далекой страны. Его таким и нашли, с лицом спокойным и умиротворенным. Правда, похоронить не смогли. Кто ж по своей воле полезет у «кандалов» добычу отнимать? Только тот, кто сам захочет, чтоб его приковало к земле навечно.

Норман Очкарик и Пудель, два брата, оставшиеся навечно на каменной осыпи по обеим сторонам от зеленого болота. Они все вместе делали, в одной связке всегда в Зону ходили. Небось, обоих сразу и поразили молнии гигантских «электродов», когда братья попытались обойти болото. Кучи тряпок, обесцветившихся от времени, видел Шухарт совсем недавно. И в каждой куче приметная деталь просматривается, клинки одинаковых ножей из нержавеющей стали. Только и осталось от братьев, что те клинки да тряпки, остальное давным-давно сгнило в Зоне.

Однако эти четверо сейчас сидели в дальнем углу и пели во все горло, грохоча по столу донышками тяжелых пивных кружек. Не покойники-«муляжи», которые порой выходят из Зоны, а вполне себе живые мужики. Такие, какими их запомнил Рэд Шухарт, когда еще сам был зеленым пацаном, лишь мечтающим о карьере сталкера. Легенды Зоны.

Их еще много было в баре, тех, кто однажды ушел в Зону и не вернулся. Боб Горилла. Каллоген. Пит Болячка. Линдон-коротышка. Все, все здесь. Перемешались вместе с живыми, пьют, веселятся. И живым весело. Они не знают, кто это рядом с ними глушит пойло старухи Розалии. Потому что не помнит никто о Легендах. Потому что не осталось в Хармонте тех, кто начинал сталкерствовать тогда, более десяти лет назад. Никого, кроме него, Рэда Шухарта, и еще, пожалуй, старого Барбриджа-Стервятника. Того самого, что выпросил у Зоны двух детей-ангелочков, а потом оставил в ней свои ноги. Правда, детей теперь у него ровно на одного меньше... Стоп! Запретил себе думать о чем-то или о ком-то – не думай, иначе не надо было запрещать. А вот насчет всего остального поразмыслить стоило. Крепко поразмыслить, обстоятельно, за отдельным столиком, который завсегдатаи «Боржча» обычно старались не занимать.

Он и сейчас не был занят, тот столик в темном углу под балкончиком, за которым видно каждого, кто входит в бар, а вот тебя в тени разглядеть можно, лишь если очень сильно присматриваться.

Шухарт прошел через весь бар и приземлился там, куда наметил. Розалия подбежала довольно резво для ее возраста, неся пыльную бутылку, стакан и нехитрую закуску. Надо отдать должное, старуха весьма неплохо управляла заведением в отсутствие мужа Эрнеста, хозяина «Боржча» и одновременно его бармена, до сих пор сидевшего в тюрьме.

Рэд усмехнулся про себя. Ну, может, еще старая ведьма узнала кого из Легенд, но виду никогда не подаст, чтоб не обидеть клиента. Живой, мертвый – какая разница, лишь бы платил да не буянил. А уж кто, кроме Розалии, лучше знает, что нужно удачливым сталкерам, вернувшимся из Зоны. Сегодня точно нет сомнений, что именно удачливым. Такой уж день выдался, что коньяк с пивом рекой, деньги по стойке шуршащим потоком и у всех рот до ушей, даже у тех, кто давным-давно погиб в Зоне...

Рэд Шухарт неторопливо цедил «Martell Cordon Bleu» и слушал, о чем судачат за соседними столиками.

– Прикинь, просыпаюсь я, значит, но глаза не открываю, – распинался перед собутыльником Билли Треска, торговец рыбой с Четырнадцатой улицы. – Знаю, что сейчас жена орать начнет, мол, опять нажрался, толку от тебя никакого и все такое. Лежу, значит, мечтаю, что как хорошо было бы, если б лежала у меня на полу в моей каморке целая гора золотых слитков. Нужны «зелененькие», отрубил кусочек зубилом, в ломбард снес – и при деньгах. Что еще нужно для счастья? Ну, открываю глаза – и лежит оно, родимое, прям как мне представлялось. А рядом жена валяется в обмороке. Впервые за много лет тихая такая с утра, прикинь?

– Деньгами надо было брать, – глубокомысленно заметил его собутыльник с лицом, изрытым следами от давней оспы и с очевидным прозвищем Рябой. – Деньги не пахнут, и рубить ничего не надо.

– Золото тоже не пахнет, – слегка обиделся Треска. – Помяни мое слово, окажутся твои зеленые фальшивыми, как пить дать окажутся.

– Не-а, – мотнул башкой Рябой, заодно отрывая зубами от сэндвича изрядный кусок. – Не окажутся. Я о них конкретно мечтал, всю жизнь. Пачки представлял и перед сном, и после сна, и между. Что будут у меня когда-нибудь тех пачек целые карманы. И вот оно, сбылось. Конкретные мечты всегда сбываются. Вот и мне привалило. Только не знаю от кого, но все равно большое ему от меня человеческое спасибо.

– Что спасибо ему – это я с тобой согласен, – кивнул Треска. – Взять и зараз столько народу осчастливить...

Закончить мысль ему не дали.

Входная дверь распахнулась от мощного удара ногой. Все присутствующие разом повернули головы – это кто ж такой смелый, что в сталкерский бар заходит, как к себе домой?

На пороге «Боржча» стоял с иголочки одетый Стервятник Барбридж, держа в руке нечто, очень сильно смахивающее на толстую бейсбольную биты.

– Где он?!! – проревел Стервятник.

– Тебе кого, старик? – спросил один из «голубых касок», мгновенно протрезвев и машинально кладя руку на кобуру. Несмотря на возраст, Барбридж все еще оставался здоровенным, широкоплечим мужиком – не зря его по молодости Битюком звали до того, как он Стервятником стал.

Но Барбриджу ответа не потребовалось. Прищурившись со свету, он разглядел, что столик в дальнем углу занят, и решительно направился к нему. Какого-то щуплого мужика он просто смел с пути, толкнув плечом, остальные расступились сами.

Когда до столика Шухарта осталась всего пара шагов, Стервятник остановился, широко расставил ноги и взялся обеими руками за свою дубину, словно бейсболист, намеревающийся пробить коронный удар.

– Где мой сын, Рыжий? – прохрипел он. – Люди видели, как ты ночью ушел с ним за кордон. Так вот, отвечай, паскуда, где мой сын, иначе, клянусь Зоной, я расшибу твою башку собственным протезом!

Шухарт поднял глаза на Стервятника, их взгляды встретились.

– Не называй меня Рыжим, – негромко произнес Рэдрик. – Не люблю.

Барбридж взревел дурным голосом, занося над головой свою импровизированную дубину, но тут же поперхнулся собственным ревом, разглядев в полумраке бара дульный срез знакомого пистолета, смотрящий ему прямо в лоб.

– Полегче, Стервятник, – скучно произнес Шухарт. – Ты же понимаешь, что с дыркой в башке тебе больше не понадобятся твои новые ноги.

Барбридж постоял еще немного на месте, держа на весу свой протез, а потом вдруг как-то сразу сдулся, словно треснувший посередине гелиевый аэростат. Деревяшка, мастерски сработанная подручными Мясника, выпала из его рук и укатилась под ближайший стол. А Стервятник вдруг рухнул на колени и залился слезами, протягивая к Рэдрику руки, переви-тые синими венами.

– Верни мне сына, – простонал он. – Моего Арчи... Мальчика моего верни...

Шухарт медленно поднес к губам коньячный бокал, отпил глоток, посмаковал во рту маслянистую жидкость, отдающую шоколадом, проглотил с удовольствием, после чего поставил бокал на стол. Рядом с бокалом лег армейский «Кольт» Барбриджа.

Противоречивые чувства боролись в душе Рэдрика. Чувства, о которых он никогда никому не расскажет. С одной стороны, ему было жаль старика, потерявшего сына. Но с другой стороны, скольких чужих сыновей хладнокровно отправил этот старик в «мясорубку» ради исполнения своих желаний? А скольких оставил в Зоне лишь потому, что неохота было ему тащить на себе раненую «отмычку»? Десять? Двадцать? Больше? Да кто ж их считал,

особенно в те первые годы после Посещения, толпами прибывающих в Хармонт любителей легкой наживы и наивных романтиков, мечтающих облагодетельствовать человечество? И не для того ли взял с собой Рэдрик Шухарт сына Барбриджа, чтобы тот однажды прочувствовал на своей шкуре, каково это – потерять собственного ребенка?

И сейчас, несмотря на эти самые противоречивые чувства, борющиеся в его душе, Рэдрик знал: случись ему снова делать выбор насчет того, соглашаться ли на просьбы Артура Барбриджа взять его с собой в Зону или послать молокососа куда подальше, он сделал бы то же самое.

– Хорошо, – наконец сказал Рэд Шухарт. – Я могу вернуть тебе сына, Стервятник. Но тогда ты снова потеряешь свои ноги, о которых скулил с того самого момента, как я вытащил тебя из «ведьмина студня». Выбор за тобой.

В мгновенно воцарившейся тишине слова сталкера прозвучали словно гром среди ясного неба. Люди смотрели на Шухарта с суеверным ужасом. Так вот, оказывается, кому они все обязаны счастьем, неожиданно свалившимся на них неведомо откуда? Странно это, наверно, видеть своими глазами человека, который вот так запросто, походя, между делом может одарить любого деньгами, золотом или – и того хлеще – вернуть инвалиду утраченные ноги... либо отнять их снова, легко и непринужденно.

– Что... – прошептал Барбридж, утирая рукавом заплаканное лицо. – Что ты сказал?

– Ты слышал, – сказал Шухарт. – Твой сын дошел до Золотого Шара и перед смертью попросил счастья для всех, даром, и чтоб никто обиженным не ушел. Так что выбирай свое счастье, Стервятник, и потом не обижайся, что Зона тебя обделила.

Барбридж всхлипнул еще раз.

– Да как же это... Мой Арчи... Сынок...

Он переводил растерянный взгляд с одного лица на другое, словно ища поддержки у посетителей бара. Но во взглядах людей не было сочувствия.

– Выбирай, старик, – проговорил Билли Треска. – Не тяни kota за хвост. Сын – или твои лапы. Что может быть проще.

– Да... Да пошли вы все! – вдруг выкрикнул Барбридж, проворно вскакивая на ноги. – Чтоб вы все сдохли!

И ринулся к выходу.

Никто ему не препятствовал. Напротив, люди расступились перед ним, словно боясь запачкаться об его новую куртку, совсем недавно купленную в одном из самых дорогих магазинов Хармонта.

2. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК

Ричард Г. Нунан вошел в приемную легкой походкой человека, не отягченного особыми заботами и полностью уверенного в завтрашнем дне. Умело раскрашенная секретарша нацелила было на него свои накладные ресницы, смахивающие на черные копыя, но, увидев пропуск, подписанный самим полковником, моментально сменила гнев на милость.

– Шеф ждет вас, – растянула она накрашенный рот в тренированной улыбке.

– Премного благодарен, – слегка поклонился Ричард, открывая ореховую дверь с золотой ручкой. – Ваш шеф, вероятно, счастлив иметь такого командующего гарнизоном. С вами его крепость в полной безопасности.

– Ну что вы, – расцвела секретарша. – Это так мило...

– В следующий раз с меня шоколадка, – заговорщически подмигнул Нунан.

...Хозяин кабинета сидел за тяжелым столом, сработанным из того же материала, что и дверь кабинета, и, как все начинающие большие чины, усиленно делал вид, что работает. Перед ним лежала заранее раскрытая папка, над которой он склонился с видом человека, находящегося на грани потрясающего открытия. Может, так оно и было на самом деле, а возможно, так посетителю лучше были видны новенькие зеленые погоны с серебряными орлами.

– Кхм, – сказал Нунан. – Гхм.

Хозяин кабинета оторвал взгляд от папки и уставился на Нунана. По его желчному лицу скользнула тень легкой досады, которая, впрочем, тут же сменилась сухой официальной улыбкой.

– Рад видеть вас, мистер Нунан.

– Взаимно, полковник Квотерблад, – кивнул Ричард. – Пользуясь случаем, хотел вас поздравить со столь стремительным повышением.

– Благодарю, – слегка кивнул хозяин кабинета. – Признаться, я и сам не ожидал такого взлета по служебной лестнице. Подумать только, за заслуги перед народом и отечеством... Впрочем, я пригласил вас не для того, чтобы обсуждать эпизоды моей карьеры. Прошу вас, присаживайтесь.

Нунан опустился в кресло напротив стола, закинул ногу на ногу и скрестил пальцы на животе.

– Если позволите, перейду сразу к делу, – сказал полковник, доставая из хьюмидора толстую сигару, похожую на отрубленный палец великана. Ричард слегка поморщился. Он не любил дыма поддельных гаванских сигар, которые крутят негры на юге из листьев дешевого табака.

«Сразу к делу» не получилось. Последовала минутная пауза, пока Квотерблад раскуривал коричневый цилиндр, очевидно, давая посетителю понять, кто в кабинете хозяин. Нунан терпеливо ждал.

– Так вот, – сказал наконец полковник, выдохнув заодно облако сизого дыма. – Господин Лемхен рекомендовал мне вас как самого способного и осведомленного сотрудника федерального бюро разведки, работающего под прикрытием.

Брови Ричарда слегка приподнялись.

– Не удивляйтесь, – хмыкнул полковник. – Время игр в шпионов закончилось. Теперь порядок в Хармонте будут наводить не ООНовские патрули, а регулярная армия. В последнее время все стало слишком серьезно. Вернее, в последний день.

Нунан кивнул. Когда ситуация становится критической, правительство умеет реагировать быстро и четко. Особенно, если дело касается государственной финансовой системы.

– И поскольку вы постоянно находитесь в самом центре событий, я бы хотел услышать от вас устный доклад о положении дел в Хармонте. Никаких записей, все с глаза на глаз. Кабинет полностью защищен от прослушивания. При этом мне крайне важен ваш личный взгляд на последние события, так сказать, беспристрастный анализ человека, постоянно держащего руку на пульсе.

– Иными словами, вы хотите, чтобы я дал вам рецепт оптимального лекарства от болезни? – усмехнулся Ричард.

– Лекарство у нас есть, – жестко произнес полковник. – Более чем оптимальное. Скажем даже, радикальное. Но я сам прожил в Хармонте много лет и не хотел бы, чтоб город стерли с лица земли ракетным ударом, а после рассказали по ящику очередную ужасную историю о террористах. Надеюсь, вы понимаете, насколько все серьезно?

Сцепленные на животе пальцы Нунана слегка хрустнули, хотя на лице агента не отразилось ничего. Шутки действительно кончились. За один-единственный день поток денег из Хармонта во внешний мир превысил все мыслимые показатели, и правительство, похоже, решило перекрыть его любыми доступными способами. Хорошо, хоть для начала решило выяснить причину, а не рубануло с плеча. Хотя могло...

– Вы слышали о Золотом шаре? – спросил Ричард.

Квотерблад пожал плечами.

– А еще я слышал о Санта Клаусе и ковре-самолете. Это просто очередная сталкерская байка, которых в Хармонте как кошек на улицах после полуночи...

– Ваш старый знакомый, Рэдрик Шухарт, нашел Золотой шар, – ровно произнес Ричард Нунан. – Он пересек кордон с «отмычкой», молодым парнем, фактически предназначенным в жертву Зоне. Так вот, перед тем, как этот парень шагнул в «мясорубку», он произнес странную фразу: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» Эту же фразу повторил Шухарт перед Золотым шаром, причем в состоянии сильного стресса. Все это произошло позавчерашней ночью. А вчера в Хармонте началось повальное исполнение желаний, в том числе в ваш департамент пришла бумага о присвоении капитану Квотербладу чина полковника за заслуги перед народом и отечеством, а также о назначении его комендантом форта Ассинибойн с гарнизоном в семьсот пятьдесят человек. Кстати, позвольте полюбопытствовать, какие такие у вас исключительные заслуги, за которые можно перепрыгнуть через два звания?

Полковник поперхнулся дымом и уставился на Нунана. Похоже, как и все военные, он был уверен, что где-то наверху его карьере злостно зажимали все эти годы. Но наконец справедливость восторжествовала, что-то сдвинулось в неповоротливой бюрократической машине, и все стало на свои места.

– Признайтесь, вы ведь всю жизнь мечтали о таком кабинете, – сказал Ричард, обводя взглядом стены просторного помещения. – А люди в Хармонте преимущественно мечтали о больших деньгах. В результате за один день в городе стало в сотни раз больше денег, чем товаров, и там, наверху, вполне обоснованно полагают, что вот-вот зеленая денежная масса хлынет через край, спровоцировав чудовищную инфляцию в стране. Я ничего не упустил?

– Продолжайте, – прохрипел Квотерблад. Ему явно не хватало воздуха, и отнюдь не фальшивая гаванская сигара была тому причиной.

– Извольте, – кивнул Нунан. – Когда финансовая система в опасности, лучше пожертвовать тысячей-другой жизней, лишь бы деньги остались целы. Так было, так есть, так будет. Как я понимаю, сейчас ракетные комплексы уже нацелены в сторону Хармонта, и люди с большими полномочиями лишь ждут вашего сигнала, чтобы нажать красную кнопку. Но вы точно знаете, что, уничтожив город вместе с жителями, вы кардинально решите проблему?

– Потому я и вызвал вас, – нервно пожал плечами Квотерблад. – Признаться, мне очень хочется покинуть этот кабинет и объявлять срочную эвакуацию подчиненных мне подразделений – от города до форта всего шесть миль, что не спасет крепость от ядерного удара, и уж тем более – от его последствий. Но если другого выхода не будет, то мне придется применить крайние меры, хочется мне этого или нет.

– Понимаю, – кивнул Ричард. – Погоны с орлами как прилетели, так и слететь могут. Что ж, попробую прояснить ситуацию. До сих пор никто так и не понял, что такое Зона. А сейчас Рэдрик Шухарт выпустил джинна из бутылки. В результате, как я понимаю, весь Хармонт стал частью Зоны. Но кто даст гарантию, что ракетный удар не даст Зоне необходимую энергию для расширения? Я уже звонил доктору Пильману. Нет, нет, не делайте такие глаза, я не идиот. Я лишь спросил у него, реально ли, что при наличии мощного источника энергии, поступающей извне, Зона начнет расширяться? Так вот, Пильман не исключает такой возможности.

– Вот черт! – прорычал Квотерблад, с яростью гася сигару в пепельнице. Сейчас он полностью взял себя в руки и был готов рвать, метать и плющить. – И почему я не посадил этого сталкера на десяток лет? Прокурор же мой старый друг, присяжные даже не вякнули бы... Но черт с ним, с этим Шухартом, дело не в нем. Ведь вы говорите, что он попросил счастья для всех! Стало быть, не исключено, что с минуты на минуту Зона начнет исполнять желания каждого придурка на планете. Так не лучше ли все-таки рискнуть и попробовать одним ударом решить проблему?

Нунан покачал головой.

– Я сопоставил факты. Исполнились желания только тех людей, которых Шухарт знал лично, причем эти люди должны были находиться недалеко от Зоны. Я уже послал запросы и даже получил ответы. У его товарищей по тюрьме счастья в жизни не прибавилось ни на йоту.

– Так что вы предлагаете?

Ричард призадумался на мгновение, потер пальцем бровь, после чего сказал:

– Я предлагаю возвести единый надежный кордон не только вокруг Зоны, но и вокруг Хармонта. Сделать нечто вроде индейской резервации, типа той, что построили неподалеку в начале прошлого века для племени чиппева, только на современный лад. Вышки, кордоны, блокпосты, колючая проволока и все такое. Вы и так уже запретили жителям эмиграцию, думаю, они не заметят особой разницы. Объявите жесткий карантин, скажите, что это временные меры. Никому не обязательно знать, что эти меры приняты навсегда. Не только у сталкеров, но уже и у простых жителей Хармонта рождаются чудовищные дети. Горожане меняются – незаметно, постепенно, но процесс идет довольно давно. Думаю, настало то время, когда Зона и Хармонт стали единым целым. Пора их объединить официально. При этом у ученых появится гораздо больше материала для исследований, а у жителей Земли – надежд на дармовое счастье, которое, возможно, когда-нибудь придет к ним из Зоны.

– Исследования на людях...

Квотерблад потер взмокший затылок.

– Да вы еще большее чудовище, чем я, Ричард Герберт Нунан.

– Я просто делаю свою работу, – спокойно ответил секретный агент, поднимаясь с кресла. – И, между прочим, я только что спас целый город вместе с его жителями. Я вам больше не нужен, полковник?

– Да, можете идти, – вяло махнул рукой Квотерблад. – И спасибо. Честно говоря, не хотелось брать грех на душу.

– Пожалуйста, – кивнул Нунан. – Если соберетесь еще куда-нибудь запустить парутройку ракет, звоните, я подъеду.

Он повернулся, сделал несколько шагов, взялся за золотую ручку...